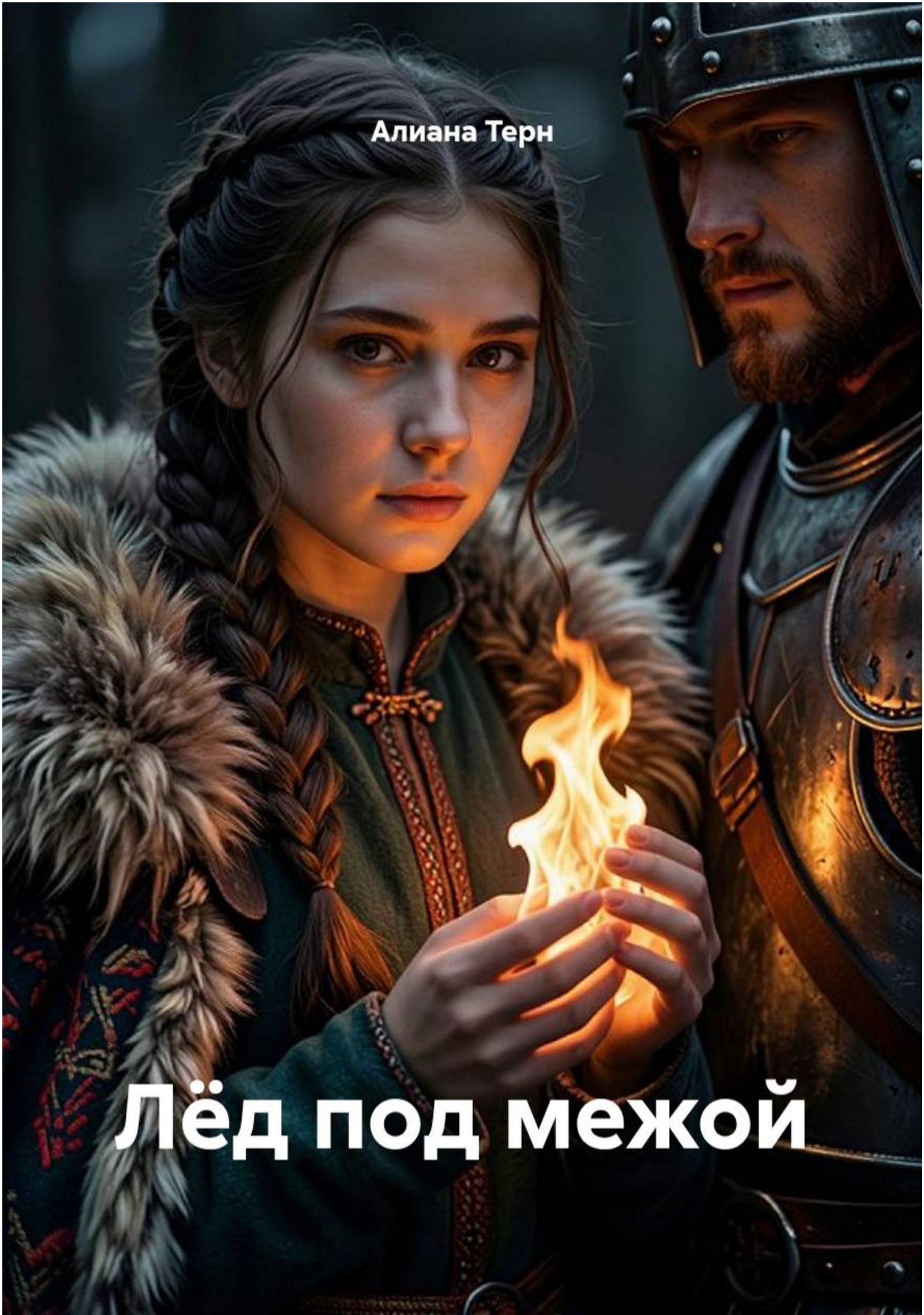

Алиана Терн
Лёд под межой

Алиана Терн

Лёд под межой

«Автор»
2026

Терн А.

Лёд под межой / А. Терн — «Автор», 2026

Иллюстрация для обложки книги в стиле темного славянского фэнтези. Молодая славянская девушка-знахарка с тугой темно-русой косой, в зимнем овчинном тулупе поверх темно-зеленого сарафана, держит в руке яркую золотую искру живого огня. У девушки темеые волосы и карие глаза. Рядом стоит суровый славянский воин в темном меховом плаще и кольчуге с мечом в руке. У война волосы по плечи. На заднем плане замерзшее северное озеро, метель и древний ледяной курган со зловещим синим свечением рун. Кинематографичное освещение, контраст теплого огня и холодного льда, высокая детализация, цифровая живопись, без текста.

© Терн А., 2026
© Автор, 2026

Алиана Терн
Лёд под межой

Глава 1. Искры на снегу

Поздний март в северных волостях походил на злого, упрямого старика, который никак не желал уступать место весне. Снег в лесу лежал плотными, потемневшими от хвои сугробами, а ветер, тянувший с севера, обжигал щеки так, будто на дворе стоял разгар крещенских морозов.

Милана плотнее запахнула тяжелый овчинный тулуп и прищурилась, глядя на покосившуюся бревенчатую мельницу у замерзшего ручья. Крылья мельницы давно сгнили и обрушились, но от самого сруба тянуло тем самым знакомым, тошнотворным холодом, от которого немели кончики пальцев.

— Четвертый за эту весну, — негромко сказала она, стягивая с руки грубую вязаную варежку. — И сидит глубже прежних. Велемир будто нарочно вбивал их в самые гиблые места, чтобы нечисть кормилась.

Святозар, стоявший в двух шагах, молча кивнул. За прошедшие полгода воевода почти не изменился — все та же тяжелая, уверенная походка опытного бойца, суровое обветренное лицо и тонкий белый шрам над левой бровью. Вот только вместо княжеского кафтана он теперь носил потертую кожаную куртку поверх кольчуги, а в серых глазах, когда он смотрел на Милану, больше не было прежнего ледяного отчуждения.

Он шагнул ближе, перехватил ее озябшую ладонь своими широкими, горячими руками и на секунду прижал к губам, согревая дыханием.

— Не спеши резать руку, ведьма, — глухо произнес он, не отпуская ее пальцев. — Сначала я проверю мельницу. Если там засели упыри, лучше встретить их сталью, чем твоей кровью.

Милана усмехнулась, чувствуя, как от этого простого, привычного жеста по спине разливается знакомое тепло. Полгода назад она бы фыркнула и выдернула руку, но теперь сама на миг прижалась щекой к его жесткому, пахнущему хвоей и дымом плечу.

— Иди уже, камень ходячий. Ярик, держись за его спиной и к мельнице близко не подходи.

Ярослав, стоявший чуть поодаль у привязанных коней, недовольно нахмурился. За эти месяцы парень здорово вытянулся, плечи раздались, а в теплых карих глазах при каждом резком движении вспыхивал странный, золотистый отблеск — память о растолченном огненном янтаре, который вытащил его с того света.

— Да знаю я, Мил, не маленький, — буркнул он, поправляя за спиной колчан с арбалетными болтами. — Соль не трогать, за круг не шагать.

Святозар обнажил меч — клинок тихо звякнул на морозе — и первым двинулся к полуразрушенному входу мельницы. Милана пошла следом, на ходу доставая из поясного туеска мешочек с толченым углем и сушеной полынью.

Внутри царил сырой, ледяной полумрак. Пахло гнилым деревом, старой мукой и застоявшейся водой. Прямо посреди пустого зала, вбитый в расколотый каменный жернов, торчал черный кованый гвоздь с змеиными рунами. Вокруг него лед на полу светился тусклым, мертвенным синим огнем.

— Нашла, — выдохнула Милана, присаживаясь на корточки. — Прикрой, Святозар, сейчас потянет холодом.

Она достала охотничий нож, привычно полоснула по левой ладони — поверх старого, тонкого шрама — и прижала кровоточащую руку к рунному железу, шепча тяжелый заговор разрыва.

Гвоздь зашипел. Ледяной пар ударил в лицо, обжигая кожу. И в ту же секунду из темных углов под старыми балками раздалось сухое, хищное клацанье.

Трое ледяных упырей — бледных, с синюшной, обтянутой костями кожей и покрытыми инеем когтями — бесшумно сорвались с балок, падая прямо на спину знахарки.

— Назад! — рявкнул Святозар.

Его клинок сверкнул в полумраке. Первый упырь рухнул на лед с разрубленным плечом, не издав ни звука. Второго воевода отбросил тяжелым ударом окованного щита, впечатав тварь в бревенчатую стену так, что затрещали венцы.

Но третий оказался быстрее. Он скользнул под щитом, вцепился когтями в ногу Святозара, сбивая его с равновесия, и прыгнул прямо на Милану, которая не могла оторвать руку от раскаленного холодом гвоздя, не оборвав заклятие.

— Мила! — крикнул Ярослав с порога.

Парень вскинул самострел, но руки дрожали, а упырь уже заносил когти над затылком сестры. Страх за нее ударил в грудь Ярослава горячей, удушающей волной. В жилах словно вскипела расплавленная смола, в глазах полыхнуло ярким золотом.

Ярослав выронил самострел и выбросил вперед обе ладони.

Из его пальцев с оглушительным ревом вырвался широкий, ослепительный столб живого, ревущего пламени.

Огонь ударил мимо Святозара, едва не опалив ему плащ, и накрыл упыря с головой. Ледяная тварь даже не успела взвизгнуть — за два удара сердца она превратилась в горсть черного пепла, а сухие бревна мельницы вокруг мгновенно вспыхнули.

В ту же секунду рунный гвоздь в жернове лопнул с сухим треском.

Милана отдернула руку и вскочила, с ужасом глядя на брата. Ярослав стоял на коленях на снегу у входа, тяжело дыша и в оцепенении глядя на свои собственные ладони, от которых все еще поднимался тонкий сизый дымок.

Святозар поднялся на ноги, отряхнул плащ от пепла и медленно перевел тяжелый взгляд с обгоревшей стены на бледного, перепуганного мальчишку.

— Я... я не хотел, — прошептал Ярослав, пряча руки за спину. — Оно само вырвалось. Я просто испугался за Милу.

Милана подбежала к брату, схватила его за запястья — кожа парня была раскаленной, как печной камень. Она быстро прижала его ладони к снегу, шипя сквозь зубы от того, как зашипела талая вода.

Святозар подошел молча, положил тяжелую руку на плечо парня, сжимая его крепко, но без злости. Затем посмотрел на Милану поверх головы подростка. В его серых глазах мелькнула глухая, знакомая тревога.

— Огненный янтарь не ушел бесследно, ведьма, — негромко сказал воевода. — Если не научишь его держать этот огонь в узде, в следующий раз он сожжет не только нечисть, но и самого себя.

Милана кивнула, глядя на дымящиеся следы на снегу. Она впервые за полгода снова почувствовала тот самый ледяной холодок под сердцем. Старая беда осталась позади, но новая сила, проснувшаяся в крови брата, грозила стать куда опаснее любого лесного проклятия.

Глава 2. Письмо из Белого Яра

Постоялый двор «У трех берез» стоял на самом краю Старого северного тракта, где широкая проезжая дорога сужалась до узкой санной колеи, уходящей в бескрайнюю тайгу. Низкий бревенчатый сруб под тяжелой шапкой серого мартовского снега выглядел угрюмо, но из каменной трубы бодро вился густой дымок, пахнущий березовыми дровами и вареной репой.

Герои добрались туда уже в сумерках. Святозар сам завел коней в теплый хлев, задал им овса и насухо протер бока пучком соломы, пока Милана договаривалась с хмурым, одноухим хозяином насчет ужина и ночлега.

Общий зал пустовал — в такую погоду по тракту ездили только отчаянные купцы да княжеские гонцы. В широкой печи весело трещали поленья, разливая по горнице сухое, спасительное тепло.

Ярослав сидел за дальним угловым столом, втянув голову в плечи, и упрямо смотрел на свои руки. Пальцы парня все еще подрагивали, а кожа на ладонях оставалась неестественно красной, словно он только что держал их над самыми углями.

Милана поставила перед ним глиняную миску с ледяной колодезной водой, в которую заранее бросила щепоть толченой мяты и серебряную монету, и опустилась на скамью напротив.

— Опускай руки в воду и слушай меня внимательно, Ярик, — негромко, но твердо сказала она, положив перед собой охотничий нож и пучок сушеной полыни. — Огненный янтарь спас тебе жизнь, но он оставил в твоей крови свою искру. Это не межевая магия, которой учила меня Агафья. Здесь не нужны ни кровь, ни заговоры. Это стихийный жар. Он питается твоим страхом и злостью.

— Я не злился, Мил, — глухо буркнул парень, опуская ладони в миску. Вода тихо зашипела, и над краем посуды поднялся легкий парок. — Я просто увидел, как эта тварь замахнулась на тебя, и внутри будто обруч лопнул. Оно само вырвалось.

— Вот этот обруч ты и должен научиться держать сам, — Милана накрыла его запястья своими прохладными пальцами, пытаясь нащупать пульс. Кровь в жилах брата билась слишком быстро, горячими, тяжелыми толчками. — Закрой глаза. Представь, что внутри тебя не лесной пожар, а уголь в закрытой печи. Пока заслонка опущена — он греет, но не жжет. Попробуй остудить воду, не вынимая рук.

Ярослав послушно зажмурился. Лоб его наморщился от напряжения, губы сжались в тонкую нитку. Прошла минута, другая, но вода в миске даже не думала остывать — наоборот, со дна поднялись мелкие пузырьки, а серебряная монета на дне потемнела от жара.

— Не выходит! — зло выдохнул парень, выдергивая руки из миски так резко, что вода выплеснулась на стол. — Не могу я, Мил! Чем больше я стараюсь его запереть, тем сильнее он рвется наружу!

Он вскочил со скамьи, опрокинув кружку, и быстрым шагом ушел наверх, по скрипучей лестнице в отведенную им светелку, громко хлопнув дверью.

Милана тяжело выдохнула, опустив голову на сложенные на столе руки. Усталость последних дней, тревога за брата и вечный холод дороги навалились разом, вытягивая остатки сил.

Тяжелые, теплые ладони легли ей на плечи сзади, осторожно разминая затекшие от холода мышцы. Святозар бесшумно подошел со стороны печи, присел на край скамьи рядом и притянул ее к себе, позволяя уткнуться лбом в свою широкую, надежную грудь.

— Не кори себя, ведьма, — тихо проговорил воевода у самого ее уха. От его шерстяного кафтана пахло морозным воздухом, конским потом и тем самым родным, живым теплом, от которого у Миланы внутри сразу становилось тихо и спокойно. — Мальчишке шестнадцать лет. Он впервые в жизни почувствовал в руках силу, способную убить. Дай ему время привыкнуть.

— А если не успеет? — прошептала она, прикрывая глаза и вдыхая его запах. Пальцы ее невольно вцепились в край его ремня. — Если в следующий раз рядом не окажется снега или колодца, и он сгорит изнутри? Я не для того вытаскивала его из Нави, Святозар, чтобы потерять от огня.

Воевода медленно провел грубой, мозолистой ладонью по ее спине, приглаживая выбившиеся из тугой косы темные пряди.

— Не потеряешь, — твердо сказал он, приподнимая ее подбородок и заглядывая в серо-зеленые, полные тревоги глаза. В тусклом свете лучины его суровое лицо казалось удивительно мягким, а в серых глазах плескалась та самая глубокая, молчаливая нежность, которую он не умел выражать громкими словами. — Мы доедем до ближайшего большого города, найдем старых мастеров, выкуем для него серебряный оберег, который заберет лишний жар. Мы справимся. Вместе.

Он наклонился и осторожно, почти бережно коснулся губами ее виска, затем щеки, задерживаясь у уголка губ. Милана выдохнула, позволяя себе на мгновение забыть и про рунные якоря, и про бесконечный зимний тракт, и про тяжелую ношу межевой знахарки. Рядом с этим человеком даже самый лютый северный ветер терял свою силу.

Идиллию разорвал оглушительный грохот входной двери.

Дубовая створка распахнулась настежь, впуская в теплую горницу клубы морозного пара и завывание вьюги. На порог ввалился человек в заиндевевшем, порванном на плече тулупе. Шапка его сбилась набок, седая от инея борода обледенела, а левая рука безвольно висела вдоль тела, прижатая к окровавленному боку.

Человек сделал два шага к печи, пошатнулся и рухнул лицом вниз прямо на половицы.

Святозар вскочил со скамьи в одно мгновение — рука привычно легла на рукоять меча, но, увидев на плече упавшего потертый синий плащ пограничной стражи, воевода быстро опустился на колени рядом.

— Воды! И чистых тряпок! — рявкнул он хозяину трактира, переворачивая раненого на спину.

Милана уже была рядом, на ходу расстегивая поясной кошель с травами. Она откинула заиндевевший ворот тулупа раненого и замерла.

На шее и ключицах мужчины не было ни порезов от сабли, ни следов стрел. Кожа его была мертвенно-белой, покрытой тонкой, полупрозрачной корочкой синеватого льда, а из-под нее проступали темные, замерзшие сосуды, похожие на узор мороза на оконном стекле. При каждом тяжелом, хриплом вдохе изо рта раненого вырывался не теплый пар, а мелкая ледяная крошка.

— Отойди от него, Милана, — глухо произнес Святозар, всматриваясь в обледеневшее лицо человека. — Я его знаю. Это Гришка, десятник из Белого Яра. Самого дальнего острога у Белого озера.

Раненый с трудом разлепил побелевшие губы. Его мутные, затянутые ледяной пленкой глаза сфокусировались на лице Святозара.

— Воевода... — прохрипел десятник, и голос его зазвенел, словно ударили друг о друга две сосульки. — Слава богам... успел... Воевода Борислав велел передать…

Дрожащей, обмороженной правой рукой он судорожно рванул завязку на груди, вытаскивая из-за пазухи свернутый в трубку кусок бересты, перевязанный черной нитью.

— Беда в Белом Яре... — выдохнул гонец, сжимая пальцы Святозара ледяной хваткой. — Колодцы замерзли до дна... люди во сне леденеют... из курганов мертвые встают... Борислав просит помощи... говорит, там след того самого черного камня…

Хватка десятника ослабла. Голова его тяжело откинулась на половицы, а по лицу мгновенно поползла матовая, мертвая изморозь, превращая живую плоть в неподвижный лед.

В горнице повисла гробовая тишина. Только трещали дрова в печи да за окном злобно выл северный ветер.

Святозар медленно разжал пальцы погибшего, забрал берестяной свиток и поднялся на ноги. Лицо его закаменело, шрам над бровью побелел от сдерживаемой ярости.

Милана стояла на коленях рядом с телом, глядя на странный синий иней, который не таял даже в двух шагах от жаркой печи. Это был не обычный мороз. Это была чужая, древняя магия стужи, пробудившаяся за северной межой.

— Белый Яр в трех днях пути на север, — глухо произнес Святозар, разворачивая бересту. — Борислав прикрывал мне спину на Северной реке. Я не могу оставить его там одного.

— И не оставишь, — тихо ответила Милана, поднимаясь и затягивая потуже кожаный пояс. — Там последний якорь Велемира, Святозар. Я чую его след даже отсюда.

Она подняла взгляд на верхнюю галерею, где за закрытой дверью светелки сидел ее брат. Весна отменялась. Впереди лежал путь в самое сердце ледяной бури — туда, где огонь Ярослава мог стать либо их единственным спасением, либо верной погибелью.

Глава 3. Дорога сквозь вьюгу

Выехали на рассвете, не дожидаясь, пока хозяин постоялого двора отпоет замерзшего гонца. Святозар отсыпал трактирщику серебра за присмотр над телом и молчание, а сам еще затемно перековал коней на зимние шипы — без них на ледяном северном тракте делать было нечего.

Чем дальше на север уходила санная колея, тем отчетливее становилось ясно: весна в эти края не просто не пришла — ее выгнали силой. Вековые сосны стояли укутанные в толстую, стеклянную корку наста, не гнулись под ветром, а звенели, как хрустальные бокалы. Небо затянуло плотной, свинцовой пеленой, из которой сыпала мелкая, колючая ледяная крупа.

Милана ехала впереди, укутав лицо шерстяным платком до самых глаз. Дышать становилось все тяжелее — морозный воздух обжигал горло, а левая ладонь под варежкой снова начала ныть тем самым глухим, ледяным зудом, который всегда предупреждал о близости Нави.

Ярослав держался чуть позади, втянув голову в поднятый воротник тулупа. После вчерашнего срыва парень притих, хмурился и старательно прятал руки в рукава, словно боялся, что даже от взгляда на сухие ветки они снова вспыхнут. Но Милана видела: снежинки, падавшие на плечи и шапку брата, не задерживались там ни на миг — мгновенно превращались в легкий, едва заметный парок. Огонь внутри него не спал, а лишь ждал новой искры.

К полудню второго дня ветер усилился, превращаясь в настоящую слепую вьюгу. Видимость упала до десяти шагов.

— Держимся плотнее! — крикнул Святозар, подъезжая вплотную к савраске Миланы и перехватывая поводья ее лошади своей рукой в меховой рукавице. — Ярик, не отставай, держись за хвостом моего вороного!

— Вижу! — отозвался парень сквозь вой ветра.

Именно в этот миг вороной под воеводой резко остановился, захрапел и забил копытом по утоптанному насту, отказываясь идти дальше.

Святозар прищурился, всматриваясь в белую круговерть впереди. Сквозь пелену снега проступили темные, неподвижные силуэты.

— Обоз, — глухо бросил воевода, вытягивая меч из ножен. — Поперек дороги встал.

Они подъехали ближе. На узкой просеке, зажатой между высокими сугробами, застыли трое груженых розвальней, запряженных крупными ломовыми конями. Вот только ни лошади, ни возницы не шевелились.

Милана спешилась первой, увязая по колено в плотном снегу, и подошла к головным саням. Сердце ее сжалось от нехорошего предчувствия.

Купец — дородный мужчина в богатой лисьей шубе — сидел на облучке, держа в руках вожжи. Но лицо его было белым как мел, глаза широко распахнуты и затянуты мутной, стеклянной пленкой, а бороду и усы сковал толстый, синеватый лед. Рядом на тюках с товаром застыли двое его работников. Ни крови, ни следов борьбы, ни вытащенных мечей. Тюки с сукном и бочонки с солью остались нетронутыми. Они просто замерзли заживо в один миг, словно на них вылили ведро жидкого мороза.

— Не грабеж, — мрачно констатировал Святозар, обойдя сани и проверив следы на снегу. — Никто не подходил. И следов нечисти нет.

— Зато есть след магии, — тихо ответила Милана.

Она стянула варежку, достала охотничий нож и осторожно провела лезвием по воротнику замерзшего купца. Раздался тонкий, стеклянный звон. Прямо из складки лисьего меха на ладонь знахарки выкатился крохотный, размером с ноготь, осколок прозрачного синего льда.

Осколок не таял. Даже на теплой человеческой коже он оставался обжигающе ледяным, а в самой его глубине лениво перекатывалась тонкая, как волосок, светящаяся белая нить.

Милана резко выдохнула и сунула осколок в кожаный мешочек с солью. Соль внутри мгновенно зашипела и почернела.

— Это не природный мороз, Святозар, — сказала она, поднимая на воеводу серьезный, встревоженный взгляд. — Это вытяжка из самой глубины ледяной Нави. Кто-то пустил волну стужи вдоль тракта, чтобы отрезать Белый Яр от остального княжества. Люди здесь умерли не от холода — у них просто выпили все живое тепло за один вдох.

Ярослав подъехал ближе, глядя на застывшие статуи людей с плохо скрываемым ужасом. Парень непроизвольно сжал кулаки, и от его кожаных рукавиц потянуло сухим жаром.

— Я могу растопить их, Мил? — тихо спросил он, делая шаг к саням. — Если я…

— Не смей! — резко оборвала его сестра, преграждая путь. — Они мертвы уже двое суток, Ярик. Твой огонь их не вернет, только слюной сожжет в пепел и привлечет сюда тех, кто это сотворил. Уходим. До темноты нужно добраться до острога, иначе эта вьюга нас самих в ледышки превратит.

Ветер завыл с новой силой, словно услышал ее слова и решил испытать их на прочность. Снег повалил стеной, засыпая дорогу и стирая следы за спинами всадников.

К вечеру, когда ледяной ветер пробирал уже сквозь тулупы до самых костей, Святозар приказал свернуть под защиту густого ельника, укрытого высокой каменной грядой. Разводить большой костер было опасно — дым мог выдать их лазутчикам врага. Воевода соорудил низкий заслон из еловых лап, расстелил на земле два толстых медвежьих полости и развел крохотный, бездымный огонек в ямке, вырытой в снегу.

Ярослав, измотанный долгой дорогой и постоянным напряжением, уснул почти сразу, свернувшись калачиком у самого края огня.

Милана же сидела, обхватив колени руками, и смотрела на синеватые отблески пламени. Зубы выбивали мелкую дробь — пальцы на левой руке после прикосновения к синему осколку так и не отогрелись, оставаясь белыми и бесчувственными.

Святозар молча подсел рядом, накинул на ее плечи свой тяжелый волчий плащ и притянул ее к себе, закрывая широкой спиной от ледяного сквозняка, пробивавшегося сквозь ветви.

— Дай руку, — тихо сказал он.

Милана не стала спорить. Она вложила онемевшую, ледяную ладонь в его большие, горячие руки. Воевода осторожно растер ее пальцы, прижал их к своей шее, прямо под теплый ворот кафтана, и накрыл сверху ладонью.

От его кожи шел ровный, сильный жар живого человека. Милана прикрыла глаза, уткнувшись лбом ему в плечо, и почувствовала, как ледяное оцепенение медленно отступает, сменяясь покалыванием возвращающейся крови.

— Страшно? — негромко спросил Святозар, касаясь губами ее виска.

— За Ярика страшно, — честно призналась она, сжимая его пальцы. — В Чернолесье я знала, с чем имею дело. Полынь, соль, кровь — все понятно. А здесь... этот синий лед не берет ни одна моя трава. Если в Белом Яре все промерзло так же, как этот обоз, моей межевой магии не хватит.

— Тогда будем бить сталью и умом, — твердо ответил воевода, прижимая ее крепче и укрывая обоих краем плаща. — Пока я рядом, ни одна ледяная тварь к тебе не подойдет. Спи, ведьма. До рассвета я покараулю.

Она закрыла глаза, слушая мерный стук его сердца и завывание вьюги за стеной ельника. Впереди лежал осажденный острог, но в эту ночь холод не смог добраться до ее души.

Глава 4. Острог за ледяной стеной

К полудню следующего дня вьюга наконец выдохлась. Ветер утих, но небо над головой осталось тяжелым и белесым, словно затянутым толстым бычьим пузырем. Когда всадники поднялись на вершину высокого, поросшего кривыми соснами взгорка, перед ними открылся вид на Белый Яр.

Острог стоял на высоком обрывистом берегу огромного Белого озера, скованного сейчас толстым, серо-синим панцирем льда. Но первое, что бросилось в глаза, — это сами стены крепости. Высокий частокол из заостренных бревен, сторожевые башни и даже тяжелые дубовые ворота были покрыты толстой, блестящей коркой прозрачного льда, словно кто-то облил весь город водой в лютый мороз.

Над крышами приземистых изб внутри острога вилось всего три или четыре тонких, жалких дымка. Тишина над поселением стояла такая густая и мертвая, что казалось, будто они подъехали к заброшенному погосту.

— Не нравится мне это, — глухо бросил Святозар, придерживая коня. — Даже часовых на стене не видать.

Они спустились с холма и подъехали к самым воротам. Святозар спешился, подошел к обледеневшей створке и тяжело стукнул рукоятью меча по промерзшему дереву. Звук вышел звонким, стеклянным, словно ударили по ледяной глыбе.

— Эй, на башне! Открывай! Воевода Святозар к Борославу!

Наверху, за ледяным бруствером, зашевелилась тень. Показалось бледное, закутанное в рваный башлык лицо стражника. Глаза дозорного смотрели на приезжих с таким диким, затравленным ужасом, будто перед ним стояли не люди, а выходцы с того света.

— Живые... — сипло выдохнул стражник, вглядываясь в лица всадников. — Эй, внизу! Свои! Снимай засовы, это от князя!

Тяжелые ворота со скрежетом, ломая ледяную корку, приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить троих всадников. Едва кони шагнули внутрь, створки тут же захлопнулись за их спинами.

Улица Белого Яра встретила их пронизывающим, сырым холодом. Внутри острога оказалось даже студенее, чем в открытом поле. Избы стояли с наглухо заколоченными ставнями, снег на дороге был истоптан, но ни одного живого человека на улице не было видно. Только трое тощих, облезлых псов жались к стене кузницы, тихо поскуливая и поджав хвосты.

Из-за угла приказной избы навстречу им тяжело зашагал крупный, грузный мужчина в распахнутом медвежьем тулупе поверх старой, побитой в боях кольчуги. Седые, коротко остриженные волосы растрепались на ветру, левый глаз закрывала черная кожаная повязка, а правый горел угрюмым, усталым огнем.

— Святозар... — хрипло выдохнул воевода Борислав, останавливаясь перед старым товарищем. Они обнялись коротко, по-мужски, хлопнув друг друга по плечам так, что зазвенело железо. — Приехал все-таки. А я думал, не дойдет мой Гришка. Сгинет в метели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.